

Искусство историки, или Сочинение о природе историки и истории, с рекомендациями, как писать историю, — общие размышления

Фоссий Г. Й.

Аннотация: продолжение перевода книги голландского богослова, историка и филолога Г. Й. Фоссия «Искусство историки», начатого в № 23–32 Vox. В главе 15 рассматривается одна из главных проблем историки: связь между последовательностью отдельных событий и истинностью общей картины. Автор показывает, что построение событий в один логический ряд на основании простой лингвистической последовательности ещё не означает их сходства в других пространствах. Часто внешне сходное описание «славных дел» принадлежит разным эпохам, прямо не сопоставимым. Это даёт повод для обращения к понятию «картины мира».

Ключевые слова: философия, история, последовательность событий, историография, «славные дела», причины, свидетельства, действие.

Глава пятнадцатая

Истолкователи, способ подачи мысли, обстоятельства происходящего и его необходимость — всё это должно быть обобщено; философией и историей ставятся разные задачи, необходимо установление не только ближайших, но и отдалённых причин.

Саллюстий, повествуя о заговоре Катилины, утверждает, что, по его словам, города выпускали похожие друг на друга обращения. Так было везде, где раскрывали все обстоятельства, и только там, где этого не было, происходило иначе. Если же причинности вообще не определяют, то изобретаются правдоподобные мотивы; но необходимо следить за тем, чтобы действия не только проговаривались, но и показывались. Дионисий Галикарнасский, Семпроний Азеллион¹ и Полибий полагают, что причинностью, способом представления и обстоятельствами происходящего в истории можно пренебречь.

Остаётся только та часть рассказанного, которая либо предшествует происходящему ныне, либо создана для рассказывания, либо продолжает уже начатое. Причины свершившегося обсуждаются. И не только к философии, но и к написанию истории применимо следующее поэтическое определение: «Счастлив тот, кто может осознать причины происходящего» (Вергилий, Вторая Георгика). Здесь удачно поставлен [акцент на выяснении] основных причин. В этом отличие философии, которая видит только общий ход событий;

¹ Семпроний Азеллион (лат. *(Publius) Sempronius Asellio*; родился около 160 — умер после 91 г. до н. э.) — древнеримский историк и военный деятель.

историческая же истина единична, поскольку связана с непосредственным человеческим действием. Для действия очевидно лишь то, что уже предстало в фактах; или же вообще представлено в связи с тем, кто занимает место правителя, или освобождает его, расширяет ли он империю, сдерживает варваров или же следует своим пристрастиям, которые его всецело охватывают, мстит ли самому себе и т. п.

Отсюда видно, что большей частью речь идёт об обыкновении соединять основные принципы и причины, а также сопутствующие им поводы. Наиболее верное определение здесь даёт Полибий (кн. 3, с. 162). Вот его латинский перевод: «То, как воспроизводится память о Ганнибале, вовсе не представляет причины, по которым римляне и карфагеняне вели войну между собой в том или ином месте; в первую очередь это определялось тем, что Сагунт был осаждён карфагенянами; с другой стороны, верно, что их друзья, прибывшие из Испании, выступали против заключения мира». Я полагаю, что не надо привносить при объяснении причин войны факторы, имеющие к ней весьма отдалённое отношение и проявляющиеся нескоро и в другом месте. Никто не побуждал Александра переправляться в Азию, чтобы создать повод для войны с персами; и коль скоро Антиох Деметриад вошёл в разряд римских граждан, то далее уже стало безразлично, как это произошло и по каким причинам. Можно видеть много причин для подобных действий Александра; не так ли ранее Филипп готовился к военным действиям против персов? Не подобным ли образом действовал Антиох в войне этолийцев против римлян? Что правильно назвать собственно человеческим; что можно осмыслить и различить, и что является основной причиной, а что предпосылкой; как отвечают два следующих за ними случая общему положению вещей — ведь основоположением произошедшего впоследствии часто объявляется то, что было уже высказано как возможная причина. Я поэтому полагаю, что такой исходной вещью (res) происходящего является первый принцип, осмысленный изначально, и те действительные следствия, которые из него вытекают; настоящие причины, которым должен предшествовать взгляд на прежние обсуждения предмета, осмысливаются и высказываются гласно, непосредственно определяется тот, кто их выдвигает, и основания, по которым можно было бы обосновать их появление иначе.

Как уже говорилось, ясность проявляется по мере дальнейшего следования. Истинное происхождение войны с персами имеет простую причину. Во-первых, греки, как подсказывает Ксенофонт, возвращались в вышеназванные азиатские сатрапии, когда соперничество в них было столь велико, что ни один из варварских народов не мог в него вмешаться. Второй причиной был Агесилай, лакедемонский царь, прозорливый правитель, переправившийся в Азию; и никто из его воинов, сопровождавших его вначале, действительно, насколько известно, не участвовал в военных столкновениях в Греции — во всяком случае, об этом нет достоверных данных. И также ничего не известно о действиях Филиппа против персов, чью опытность и мощь македонского войска нельзя недооценивать — этим и объясняется значительное их превосходство в первый период войны, принёсшее им славу и определившее дальнейший ход войны, а также всеобщим согласием и добровольным взаимодействием между греками. Все первоначально полагали, что Греция несправедливо напала на Персию, просто мстя ей, двинулась на неё — сейчас же всегреческий совет принял решение о немедленном объявлении войны и предпринял необходимые приготовления ещё до того, как Александр начал своё наступление. Вследствие этого недостаточно было найти лишь отдельный повод для войны с персами; предварительный предлог скоро стал вторичным, а главным же стала переправа Александра в Азию. Именно это случилось между Антиохом и римлянами, что

вызвало возмущение этолийцев, презрительное отношение которых к римлянам во многом было преодолено, когда они увидели возможный исход войны против Филиппа, а не только против Антиоха — чужестранца, как утверждалось ранее. И это стало основным путём к миру, с условием, что предпосылкой этому будет свобода греков; и потому отдельные города этолийцев всё же подчинились Антиоху, и всем было ясно, что главное здесь — принадлежность Антиоха к Деметриадам. Так Полибий своим ясным взглядом последовательно выявил причины Второй Пунической войны².

Здесь будет уместно представить эти причины непосредственно и прямо — чтобы нащупать их исходный импульс с подключением всех его источников. Примером может послужить «История Югурты» Саллюстия, где Миципса³ советуется со старейшинами, как возобновить Нумидийскую войну. Сходным образом изгоняли Катилину. Потому было сделано много заявлений, которые, будучи поведаны самим Катилиной, близки скорее к поэтическому, чем к историческому изложению, и изначально были провозглашены в основных городах. Но наиболее ярко это представил Юлиус Скалигер⁴ в своём сочинении «О предмете поэзии» (т. 3, гл. 96)⁵. Также в древности много говорили об участии Юпитера в подобных спорах. Каким образом это может быть иначе, представил в первую очередь Саллюстий, который обратил внимание на некий союз городов, роковым образом отложившихся от Рима, что привело к их полному упадку и выявило их полную порочность: именно они были причастны к заговору Катилины, и многие из этих граждан были объявлены склонными к преступлениям.

Чтобы лучше уяснить, что такое правильное обсуждение, необходимо представить доводы не только одной стороны, но и противостоящей ей. Таких мест много в историческом предмете. Саллюстий приводит здесь несколько примеров временного примирения — Катилины, Цезаря, Катона, находятся и другие примеры подобных соглашений. Что-то подобное есть и у Геродота, где речи Отона⁶ убеждали народ определиться, надо ли приглашать Мегабаза⁷ на правление; Дарий же выступал за единоличное правление. Такие обсуждения по самой своей природе неспособны определять форму правления и законы — на них участники пытаются определить, как вести войну и сколько человек в ней погибнет у данного военачальника.

Именно это и представляется в историке: как Саллюстий описывает нравы Катилины и правила сената или что Ливий в то же время изображает известные нам врождённые свойства Ганнибала как выдумку.

Было бы несправедливо не заметить, что при описании происходящего причины вообще не учитываются. Можно рассматривать все вовлечённые души как естественные

² Антиохова война (192–188 годы до н. э.) велась между Римом и государством Селевкидов за влияние в Восточном Средиземноморье. Начало военных действий ознаменовала высадка правителя империи Селевкидов Антиоха III осенью на острове Эвбея. На сторону Антиоха перешли Этолийский и Беотийский союзы,

³ Миципс — один из царей Нумидии, II в. до н. э.

⁴ Юлиус Скалигер (23 апреля 1484, Падуа, Италия — 21 октября 1558, Ажен, Франция) — итало-французский гуманист: философ, филолог, естествоиспытатель, врач, астролог, поэт.

⁵ «Поэтика» (лат. Poetices libri septem, буквально «Семь книг поэтики») — трактат Юлия Цезаря Скалигера по теории литературы. 3-я книга — Idea (персонажи).

⁶ Марк Сальвий Отон (лат. Marcus Salvius Otho; 25 апреля 32 года — 15, 16 или 17 апреля 69 года, Брикселл) — римский император с 15 января по 16 апреля 69 года, в «год четырёх императоров».

⁷ Мегабаз — полководец времён правления персидского царя Дария I, VI в. до н. э.

создания, которые при взаимодействии влияют друг на друга. Тогда, во всяком случае, есть основания предположить, что мыслимы и какие-либо иные непосредственные побуждения; в целом это может представляться не так, что неопределённое становится более определённым, но изложением видения причин, по которым они так или иначе проявляются на душевном уровне. Поэтому неверно было бы указывать причины, помимо авторов и тех фактов, которые они приводят. Вот, например, Ливий в книге 30 своих сочинений⁸ пишет: «Ганнибал, если бы восстановил мир, доблестными усилиями добиваясь его, в свою очередь имел бы возможности направить послов к Сципиону, чтобы обсудить нынешний расклад сил. И этот ответ, будучи публичным, не дал бы преимущества ни той, ни другой стороне». В этом, собственно, заключается роль обсуждений по поводу причин.

Сходный способ изложения фактов воспроизводился и перед праздником Марса — и это было веселье до упаду, пока хватало сил у всех. И для этого не требовалось особых предпосылок. У нас мало вариантов произошедшего — было ли их несколько или это был один. В целом события рассматривались недостаточно, внимание уделялось тем из них, которые в чём-то выделялись.

Если же события были плохо подготовлены, то они исключались из повествования, и о них нельзя было узнать, иначе прежняя линия провидения могла прерваться.

Так складывается нить событий, нечто предпосылается любому человеческому мнению более надёжно, чем то, что случайно даруется богами.

Поэтому совершенно справедливы три установки, которые Туллий провозглашает как основополагающие, — совместное действие, его способ и то, что из этого свершилось. На этом настаивает Дионисий Галикарнасский⁹. В книге 5¹⁰ он пишет: «Именно то, чего недостаёт нам в предмете, в целом и есть самое существенное». Вот в каких словах передаёт эту мысль Стефаний¹¹: «Действительно, было бы разумно высказать сразу всю суть, всё то, о чём говорилось на секретных обсуждениях; для изложения целого зачастую хватало кратких деклараций, в которых они уже изъяснились; и мнение каждого изменялось в соответствии с тем, как думали все, — и таким образом собиралось общее мнение, принимаемое всеми по умолчанию. Таким образом, при изучении исторического предмета не надо исходить ни из его полезности для людей, ни из того, что происходит в разных странах, но требовать, чтобы происходящее запоминалось в каждом случае как отдельное явление — и уже отсюда выводилась общая картина, не вызывающая к богам, но исключительно относящаяся к исторической вещи (res); и общая мысль направляла бы воспоминания и соответственно действия». Прекрасным примером отдельных явлений в этом предмете является место из 7-й книги, где показываются разногласия в первом народном собрании Рима, о которых пишется: «Можно долго рассказывать и удивляться тому, каким образом патриции передавали полномочия плебеям, и не по одной причине, даже если при этом не было намерения давать кому-либо гражданство. Единственное, что мог бы дать иной подход, — это сильное желание осознать причины, и если объявить о них как о заслуживающих доверия, то возникал предмет

⁸ Римская история от основания города.

⁹ Дионисий Галикарнасский — [древнегреческий](#) историк I века до н. э., ритор и критик.

¹⁰ Книга 5 — Римские древности.

¹¹ Анри Этьен (1460 или 1470–1520), также известный как Хенрик Стефан, был парижским печатником XVI века.

сообщения, который мог обсуждаться. Зная, что произошло в будущем, и прослеживая его как длительно осуществляемый план, наряду с опровергающими его речами, можно сказать, что патриции уступили свою власть плебейм; и общее управление республикой выносилось на общее обсуждение народа. Но при этом патриции пренебрегали участием плебеев, как и в прежние времена». И вот уже последнее рассуждение на этот счёт в гл. 13 о децемвирах: «Некто, очевидно имеющий богатую родословную, применил насилие, чтобы освободить нескольких мужчин из плена; это осталось эпизодом; и о произошедшем при случае сообщали, объявляя это рассказом». Тем самым говорится, что произошедшее необходимо и прекрасно для всех людей; и это содержание общего порядка правильно будет рассматривать с философских позиций. Много же при историческом познании, могущее быть познанным только из него самого — как события войны с Персией и, если подробнее, — участия в ней афинян и лакедемонян, двойственный исход морских сражений и однозначный сухопутных, состояние варваров, которыми греки пытались управлять в то время, и как позже говорили, что между ними происходили и сражения. А разумная вера предполагает следующее утверждение: так как отдельные люди воспринимают слова как непосредственное (по мановению руки) повеление, и не только слышат его, но и высказываются по этому поводу, то истина в таковом обличье приносит непосредственное наслаждение. Далее, например, войну можно представить как действия граждан или её можно назвать политической практикой; отсюда можно заключить, что она должна рассматриваться не как совокупность положительных устремлений, но как ряд добродетельных действий; из которых некоторые доставляют неподдельную радость, некоторые видятся иными. И действительно, им предшествовали вышеперечисленные предпосылки; обсуждение, нахождение способа и установление причин. Мальчик, рассказывающий сказку, ещё не создаёт историю, как Агеллий¹² говорит Семпронию Азеллию, что подтверждает и Полибий в кн. 3: «Если у истории отнять вопрошание — вследствие чего? каким способом? и что же из этого получилось? — что, собственно, образует последовательность, осмысливаемую рационально, тогда из того, что осталось, на первый план выходит только бахвальство, но не доказанные свидетельства».

¹² Авл Геллий (лат. *Aulus Gellius*; не позднее 130 года — не ранее 170 года) — [древнеримский](#) писатель, знаток римской архаики.

Ars historica sive de historiae et historices natura historiaeque scribende praeceptis commentatio

Vossii G. J.

Abstract: continuation of the translation of the book by the Dutch theologian, historian and philologist G. J. Vossii "The Art of Historians", started in No. 23–31 Vox. Chapter 15 deals with one of the main problems of historians: the relationship between the sequence of individual events and the truth of the overall picture. The author shows that the construction of events in one logical series on the basis of a simple linguistic sequence does not mean that they are similar in other spaces. Often outwardly similar descriptions of "glorious deeds" belong to different eras that are not directly comparable. This gives rise to the concept of a "picture of the world".

Keywords: philosophy, history, sequence of events, historiography, "glorious deeds", reasons, evidence, action.

Перевод с латинского *Лаврентьева Всеволода Серафимовича*: lavrsv4@gmail.com.